
INSPIRIA
ДЕРВЛА МАКТИРНАН
Что случилось с Ниной
Одна история.
Две правды.
И сотни версий произошедшего...

INSPIRIA

Дервла Мактирнан
Что случилось с Ниной
Серия «Tok. Главный детектив года»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74704901
Что случилось с Ниной? / Дервла Мактирнан: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-256782-7

Аннотация

Лучший триллер года по версии New York Times от признанного автора бестселлеров.

Напряженный психологический триллер на стыке драмы о масштабном противостоянии «правд», сломанных судьбах и безусловной родительской любви.

Нина и Саймон – идеальная пара. Молодые, веселые и безмерно влюбленные. Но все меняется, когда они уезжают на выходные в семейный домик Саймона в Вермонте, а возвращается только он один…

Что случилось с Ниной?

Объяснения Саймона о том, что произошло в их последние часы вместе, не укладываются в голове. Родители Нины требуют ответов от полиции, а родители Саймона спешат защитить его. Они нанимают дорогого адвоката и пиар-агентство, которые быстро разворачивают яростную, бескомпромиссную медиакампанию.

На что готова пойти его семья, чтобы обеспечить безопасность сыну?

Вскоре факты теряются в водовороте обвинений. В маленьком городке в Вермонте каждый выбирает свою сторону, и история мгновенно взрывает интернет: под хэштегом #ЧтоСлучилосьСНиной множатся видео диванных экспертов, теории заговора и посты с трогательными скриншотами из соцсетей Нины.

На что готова пойти ее семья, чтобы выяснить правду?

Семья девушки вынуждена отбиваться от грязных нападок и постоянно напоминать всем, что самое главное – это найти их дочь. Уступая в силе богатой и влиятельной семье Саймона, родители Нины понимают, что если соблюдение правил ни к чему не приводит, то пришло время их нарушить.

«Леденящая душу история о том, на что готовы пойти люди, чтобы защитить хищника». – The Sunday Times

«От этого триллера невозможно оторваться – страницы буквально проглатываешь одну за другой, даже когда тайна личности преступника уже раскрыта». – Books and Publishing

«Плавное повествование с безупречным ритмом, которое завершается неожиданным и болезненным ударом». – The Daily Mail

Содержание

Пролог 7
Глава первая. Лиэнн 20
Глава вторая. Джейми 35
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Дервла Мактирнан
Что случилось с Ниной?

Dervla McTiernan
What Happened To Nina?

Copyright © 2023 by Dervla McTiernan Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Кенни, Фрее и Ошин

Навсегда

Любовь матери к своему ребенку не может сравниться ни с чем в мире.

Она не знает закона, жалости, она ни перед чем не остановится, она без всяких угрызений совести сметет все, что стоит на ее пути.

Агата Кристи «Последний сеанс»

Пролог

Меня зовут Нина Фрейзер. Скорее всего, вы про меня знаете. Вероятно, видели мои фотографии в Интернете и слышали мою историю. Если это так, то, полагаю, вы уже меня осудили. Разумеется, не публично, потому что сваливать вину на жертву – это дурной тон, но где-то глубоко у себя в голове вы втайне наверняка считаете, что я проявила глупость или слабость. Или и то и другое. Возможно, вы полагаете, что, если бы я просто постояла за себя, развернулась и ушла, все было бы нормально. Я не собираюсь с вами спорить или уверять, что вы неправы. Я лишь скажу, что все может казаться кристально ясным со стороны, но когда оказываешься внутри ситуации, то словно ныряешь в мутную воду. А еще иногда именно уход приводит к неприятностям.

Итак. Как я уже сказала, меня зовут Нина. Мне двадцать лет. У меня есть сестра, Грейс, и родители. И я скалолазка. Вам уже все это известно, если вы читали мою историю в Интернете. А вот кое-какие подробности, о которых люди не знают. У меня мозоли на пальцах, шрам на колене и еще один – на локте, оба от падения. Мне нравится скалолазание. Когда я забираюсь на гору, то не думаю ни о чем, кроме впившихся в камень пальцев, балансирующих на выступах ногах и предстоящем пути. Я никогда не думаю о том, что подо мной. Добравшись до вершины, я просто сижу, дышу

и гляжу на долину. Анализирую маршрут и размышляю, как можно было пройти его лучше.

Если вы что-то знаете, то в курсе, что у меня есть парень по имени Саймон Джордан. Мы с Саймоном познакомились в школе, когда нам было по пять лет. В средних классах мы стали друзьями. В шестнадцать влюбились. Для меня очень важно подчеркнуть, что между нами все было просто замечательно. Не скажу, что Саймон идеален, потому что никто в этом мире не идеален, но если представить себе лучшего бойфренда для нескладной девчонки, которая еще не знает, кто она, то это он. Он смеялся над моими шутками. Всегда внимательно слушал, что я говорила, даже если мы были в кругу его друзей. Он никогда не дразнил меня, не намекал на то, что другие девчонки лучше. Рядом с ним я чувствовала себя красивой, а это важно – даже чересчур – когда тебе шестнадцать. Мы впервые переспали в его восемнадцатый день рождения. Это было неловко и немного больно, а еще весело и прекрасно, и я не сомневалась ни на секунду, что никого не полюблю так, как его. Когда все пошло наперекосяк, я много думала о том, какими мы были раньше. Рассматривала старые фотографии и общалась с общими друзьями, которые знали нас с самого начала. Я должна была убедиться, что не выдумала все это. Что я цеплялась за что-то реальное.

Окончив старшую школу, Саймон уехал учиться в Северо-западный университет, а я осталась дома в Уэйтсфилде и

пошла в Вермонтский. Мы с Саймоном считали, что расстояние не станет для нас проблемой. У нас были крепкие отношения. И в первый год все шло хорошо. Мы часто встречались у родителей и каждый день созванивались по «ФейсТайму», иногда даже по два или три раза, и еще переписывались. Моя подруга Элли говорила, что долго это не продлится. Она заявляла, что Саймон слишком симпатичный, к тому же его родители – богачи. Вокруг него будут крутиться сотни девчонок, которые захотят его заполучить, – гораздо более утонченные, опытные и интересные, чем старая соседка. Да, Элли умеет быть сукой. Мне не хотелось, чтобы Саймон меня бросал, но я из тех людей, которые всегда ожидают худшего, так что я приложила очень много ментальных усилий, чтобы подготовиться к неизбежному. Прилежно училась, пыталась заводить новых друзей, ходила в горы почти каждые выходные и продолжала ждать, когда этот дамоклов меч упадет мне на голову.

Но вместо того чтобы бросать меня, Саймон как будто стал даже более напорист. Вместо общения дважды в день, он стал звонить четыре или пять раз. Иногда он просил, чтобы я «поносила его в кармане». То есть включила «ФейсТайм», поставила телефон на беззвучный и взяла его с собой на лекцию или просто положила на стол, пока занимаюсь. Саймон приезжал домой через выходные, а однажды захотел оплатить мне перелет в Иллинойс, чтобы я его навестила, но у меня не получилось. По выходным я должна была

работать у мамы в гостинице. К тому же взять у него деньги и потратить их словно свои казалось мне странным. Но он не понимал. Саймон очень злился и расстраивался.

Оглядываясь назад, я понимаю, что именно тогда наши отношения начали меняться. После моего отказа приехать в Иллинойс Саймон занял вполне очевидную позицию морального превосходства. Как будто он был идеальным парнем, а я – плохой, ненадежной девушкой. Он шутил по этому поводу, но за юмором я видела, что его чувства серьезно задеты, и как могла пыталась успокоить Саймона. Но как я ни старалась, этого было недостаточно. Он стал со мной грубее: и в постели, и вне ее. Он так сильно хватал меня за плечи и бедра, что у меня оставались синяки – фиолетовые следы от пальцев на коже. Несколько раз кусал меня. Было больно, но я не просила его прекратить. Это может прозвучать нелепо, но я боялась смутить его. Я решила, что он считает это сексуальным (хотя это оказалось совсем не так), и поскольку между нами и так росло напряжение, мне стало страшно, что если скажу ему про укусы, то опять раню его чувства. Я говорила себе, что Саймон просто проходит через стадию неуверенности в себе, что я знаю его настоящего и что между нами все будет как прежде, если мне только удастся показать ему, как сильна моя любовь. Глупо, но я была как та лягушка в кипятке: вода нагревалась постепенно, и я не понимала, что варюсь в ней, пока не стало слишком поздно.

Когда мы были на втором курсе, Саймон приехал домой

на октябрьские каникулы. Он хотел поехать на Гавайи с другом, но мне пришлось остаться из-за работы, так что он тоже приехал домой, хотя очень злился из-за этого. Что бы я ни делала, он оставался недовольным, и в итоге я решила плюнуть на работу у мамы в гостинице и укатить с ним на целую неделю. Я позвонила маме, и она, разумеется, очень взбесилась и расстроилась. Но, казалось, Саймон снова стал самим собой, и я чувствовала невероятное облегчение. Я даже не сознавала, насколько сильно переживала за нас, пока не поняла, что наконец-то все позади.

Родители Саймона тогда только купили домик рядом со Стоу. Вместе с четырьмястами акрами земли, небольшим озером, нехоженными тропами и маршрутами для скалолазания. Он захотел отдохнуть только вдвоем, чтобы по-настоящему сосредоточиться на наших отношениях. И мы поехали. Мы ходили в горы и лазали по скалам, гуляли и разговаривали, а лучше не становилось. Мне постоянно казалось, что мы притворяемся. Делаем вид, что сближаемся, хотя на самом деле нет. Мне хотелось обсудить с ним побои и синяки, но каждый раз, когда я собиралась заговорить, у меня сводило горло. В пятницу Саймон снова захотел пойти в горы. Но у меня ныло все тело. Болели пальцы и почему-то горело плечо. Я чувствовала, что мне нужно денек передохнуть, но все равно согласилась.

– Давай заберемся на утес, который мы видели в среду, – сказал Саймон. Мы завтракали. Он потянулся ко мне и убрал

волосы с лица, заправив их за ухо. Положил ладонь мне на заднюю сторону шеи и сжал ее. Его рука была теплой, сухой и нежной. Мне почему-то захотелось плакать.

– Конечно, – сказала я. – Он классно выглядел.

Мы поели, оделись и вышли. До утеса было недалеко. Саймон всю дорогу болтал, и я улыбалась, отвечала и брала его за руку, когда он ее протягивал, но все это время к глазам подступали слезы. Мне было паршиво от этих чувств, и я пыталась их отогнать. Я немного приободрилась, когда увидела утес. Он действительно отлично подходил для скалолазания: наверно, футов восемьдесят гранита, с замечательными выступами внизу для легкого старта. И погода была хорошая. Прохладно, но солнечно, и без сильного ветра. Я скинула рюкзак и начала доставать снаряжение.

– Отличная идея, – сказала я. – Рада, что мы сюда дошли.

– Лучше, чем драить очередную ванну? – спросил он и шутливо пихнул меня в плечо, чуть не сбив с ног.

– Мягко сказано.

Он оторвал меня от земли, схватил за задницу и прижал к себе. А потом поцеловал, и я ответила. Самое безумное, что мне было приятно. Саймон опустил меня, мы продолжили подготовку и полезли в гору. Я не думала о нас, когда забиралась наверх. Просто отключилась и сосредоточилась только на следующем хвате и подъеме, снова почувствовала себя собой. Почувствовала себя сильнее.

Мы забрались на вершину, сели на край и стали любовать-

ся видом.

– Все нормально? – спросил Саймон.

– Да. Конечно. Немножко устала. И есть хочется. – Я порылась в рюкзаке и достала сэндвичи, которые сделала с утра. Они были с курицей – его любимые. Он развернул сэндвич, пару раз укусил, поморщился и отдал его обратно.

– Кажется, курица подпортилась, детка. Шоколадка есть?

Я взяла и шоколадку. Молча протянула ему плитку. С куриной начинкой все было нормально. Я сама приготовила курицу накануне и смешала со свежими ингредиентами. Все это начинало бесить. Я сжалась в один комок нервов, и меня так и подмывало послать его на хрен. Я продолжала жевать сэндвич.

– Его нельзя есть, – сказал он. – Надо это выбросить.

– Все нормально.

Он уставился на меня.

– Ладно, но когда будешь вечером блевать, не зови подержать тебе волосы.

Я пожала плечами. Он нахохлился и отвернулся от меня. Это был намек на то, что нужно убрать сэндвичи, извиниться, поцеловать его и поблагодарить за заботу. Но нет. Желание послать его на хрен никуда не делось. Если честно, оно только выросло.

– На самом деле, очень вкусно. М-м-м.

Я думала, что он сорвется. Возможно, даже хотела этого. Но он просто поднялся на ноги.

– Мне нужно поссать. – Он отошел и отлил под деревом. Я доела свой сэндвич и сложила все обратно в рюкзак. Саймон начал готовиться к спуску.

– А давай одновременно? – сказал он. В его глазах загорелся огонек. Вызов. Одновременный спуск – это когда два человека используют одну веревку, рассчитывая друг на друга как на противовес; сама веревка пропускается через один заблокированный узел. Это может быть опасно, если один из скалолазов отвлечется или потеряет контроль, но так иногда делают, если надо спуститься быстро. Мы никуда не торопились. У нас был весь день для того, чтобы вернуться, и я могла так и сказать, но увидела вызов в его глазах и не захотела отступать.

– Ладно.

Я надела обвязку, закрепила стопорный узел, который гарантировал, что моя веревка не выскользнет из страховочной системы: это худший сценарий при подобном спуске. Если веревка вылетит из моего устройства, она также проскользнет через заблокированный узел, и тогда Саймон упадет. Я посмотрела, как он готовит снаряжение.

– Ты завязал стопорный узел? – спросила я.

– Конечно, – мягко ответил он и показал его мне.

Мы двинулись вниз. Было совсем не весело. Саймон спускался резкими внезапными рывками, а это значило, что со мной на другом конце веревки происходило то же самое. Он делал это специально. Я стиснула зубы. Решила, что хватит с

меня притворяться, будто все нормально. Когда будем внизу, надо обсудить все начистоту. Спуск получился не очень долгим. Примерно полчаса, включая время на перебрасывание якоря между остановками. Саймон коснулся земли первым. Мне оставалось преодолеть еще футов двадцать пять. Я оттолкнулась, уперлась в скалу и слегка отлетела от нее, пропустив веревку через спусковое устройство. Снова оттолкнулась, веревка заскользила, а потом что-то произошло. В веревке пропало натяжение. Совсем. Она просто повисла. Мне не за что было ухватиться. Я начала падать.

Это самое мерзкое состояние на свете – когда тебя не держит веревка. Со мной такое случалось только однажды, на скалодроме в Бостоне, когда отказала автоматическая страховка. Но это произошло в помещении, и я находилась всего в пяти футах над землей, а внизу лежали маты. В этот раз было по-другому. Я просто… упала. Не барахталась в воздухе, не пыталась зацепиться за выступ скалы или ветку дерева. Хвататься, кроме воздуха, было не за что.

Я пролетела, наверное, футов десять. Не очень много, но достаточно. Я приземлилась в грязь, на спину. По обе стороны от меня возвышались глыбы камня. Они бы сломали мой позвоночник, упади я на фут левее или правее. Я сильно ударилась головой. На мне был шлем, который, вероятно, меня спас, но я все равно на минуту вырубилась. Когда я очнулась, то не почувствовала своего тела – наверное, из-за шока, – а потом меня накрыла боль вместе с сильной тошно-

той. Я не могла перевернуться на бок. Тело не слушалось. Я не сомневалась, что задохнусь, но тут подоспел Саймон.

– О господи! Нина. Боже.

Он перевернул меня на бок, придерживая за шею. Меня вырвало куриным сэндвичем. Когда я прекратила блевать, он перевернул меня обратно и ощупал руки до запястий и ноги до щиколоток.

– Ты в порядке? Ничего не сломала?

Я провела мысленную инвентаризацию. Все болело. Но сломано ли что-то? Может, пара ребер. Они горели. Я попыталась пошевелить ногами. Они отозвались. Я сжала кулаки. Руки тоже работали.

– Кажется, все цело.

– Не вставай. Даже не шевелись. Господи. О чем ты вообще думала? Ты просто отпустила веревку. Ты решила, что уже внизу?

Я не отпускала веревку. Или отпустила?

– Я могу снова перевернуть тебя на бок? Хочу посмотреть на твою спину – не напоролась ли ты на что-нибудь.

Я согласилась, и Саймон меня перевернул. У него были очень нежные руки, но каждое его прикосновение приносило боль.

– Господи, у тебя шлем сзади просто всмятку. Там огромная трещина. Хорошо, что ты его надела.

Я начала плакать, хотя из груди вырывался совсем тихий звук, больше похожий на поскуливание. Мне было слишком

больно, чтобы реветь по-настоящему. Саймон снова меня перевернул и снял обувь и шлем. Он отдавал команды: пошевелить пальцами на руках и ногах, коснуться носа, проследить за его пальцем. Он действовал абсолютно уверенно, как будто точно знал, что делает, и я выполняла его указания. Наконец он уселся напротив меня.

– Думаю, все с тобой будет хорошо. Тебе очень повезло. Ты меня так напугала! Страшно напугала. – Он попросил меня сесть, и я повиновалась. Он убрал мои ботинки для скалолазания и надел на меня кеды, крепко завязав шнурки. Поднял с земли и попросил попробовать встать. Все болело, ноги дрожали, но у меня получилось. Он забрал оба рюкзака, поддержал мой локоть, и мы стали уходить от утеса. Думаю, я все еще была в шоке. У меня довольно сильно болели ребра и голова, но я просто держалась за руку Саймона и продолжала ковылять за ним, пока он болтал и ласково меня успокаивал. Его настроение полностью изменилось. Он… повеселел. Дома он отвел меня наверх, помог раздеться и уложил в постель. Принес болеутоляющие и воду, поцеловал в лоб и сказал, что завтра мы пойдем к доктору, но сейчас мне лучше просто отдохнуть.

– Спасибо, – сказала я. – Мне правда жаль.

– Я рад, что ты в порядке. – Он нагнулся, чтобы поцеловать меня, и вышел из комнаты. И оставил меня наедине с самыми разными мыслями. Когда он наклонился, я заглянула в его глаза и увидела в них не беспокойство, а… торже-

ство? Крошечный проблеск удовольствия? Или триумфа? Я не могла точно определить.

Я потерла лоб левой рукой. А правой накрыла ноющие ребра. Что произошло в горах? Я не отпускала веревку. Точно. Мог отказать заблокированный узел? Да, это возможно, но я разве не видела веревку – пусть не натянутую, но все еще закрепленную, – когда упала на землю? То есть якорь не мог подвести.

Единственное остающееся объяснение: Саймон завершил спуск и отпустил веревку со своей стороны. Сначала ему нужно было развязать стопорный узел. Он не мог сделать это по ошибке. Но специально?.. Он хотел, чтобы я упала?

Я убеждала себя, что это нелепо. Говорила, что схожу с ума и, *разумеется,* Саймон этого не делал, никогда бы такого не сделал, у него *не было причины* на подобное. Но я как будто ходила по кругу у себя в голове, причем совершенно бессмысленно. Ведь точно знала, что он это сделал.

Я вылезла из кровати и отправилась в ванную. Сняла топ и посмотрела в зеркало. Но моем теле было много травм, старых и новых. Очень много. Синяки на плечах. След от укуса на левой груди. Я спустила штаны. На бедре желтел синяк. Я развернулась и оглянулась через плечо. Спина представляла собой сплошное сине-фиолетовое месиво. Кровь тоже была, потому что на лопатке оказался свежий порез, который я даже не почувствовала.

Снова надела топ и пошла обратно в кровать. Я долго си-

дела на краю, пялясь на свои пальцы. Думала, что нужно принять какое-то решение, но когда опустилась на матрас, то поняла, что уже приняла его. Решить оставалось только то, как именно все сделать. Я стала искать то самое желание послать его на хрен в глубине своей души, нашла его и стала подпитывать. Мне хотелось разозлиться. Несколько месяцев, целые полгода, он заставлял меня плясать вокруг него, изо всех сил стараться ему угодить, не расстраивать его. Он *хотел*, чтобы я боялась. И я была сыта по горло.

Я начала одеваться. Надела джинсы, ботинки и свитер. Завязала волосы. Забрала свою одежду из шкафа и туалетные принадлежности из ванной. Собрала сумку. А потом пошла вниз сказать Саймону, что мы расстаемся и я больше не хочу его видеть.

Глава первая. Лиэнн

В воскресенье вечером я пошла к Энди в сарай. Он не должен был работать в выходной. Мы договорились, что хотя бы один день в неделю будем уделять семье, но поскольку у меня даже близко не получалось выполнять это обещание, я особо не могла предъявлять претензии. Пересекая двор, я услышала шум бензопилы. В сарае – два входа. Створчатые ворота в дальнем конце, через которые Энди загонял внутрь самосвал и мини-трактор в плохую погоду, и маленькая боковая дверь, которую он установил пару лет назад. Я подошла к ней и толкнула. Энди напряженно работал, распиливая большое бревно на поленья. Он был в наушниках и стоял ко мне спиной. Я решила не хлопать его по плечу, пока он орудует пилой. Присела на стул, вдохнула аромат дерева, который так любила, и стала ждать.

Пять лет назад я получила субсидию на переоборудование сарая от штата Вермонт. Каркас постройки – из красного дуба, так что он довольно крепкий, но и крыша, и обшивка, и пол были в плохом состоянии. Энди потратил деньги на замену крыши и обшивки, а еще выложил пол кирпичом. Мне нравится сарай. Нравятся открытые стропила под потолком

и то, как свет проникает сквозь маленькие окошки. Нравится запах машинного масла и древесины и то, как все аккуратно сложено и организовано: от мешков с удобрениями и торфяным мхом до палет с отделочным камнем и штабелей свай в углу.

Наконец Энди опустил пилу. Снял наушники и начал складывать дрова.

– Тебе помочь? – спросила я. Он испугался и слегка подскочил. – Нина так мне и не перезвонила.

У меня в руках был телефон. Я посмотрела на него, будто на экране могло появиться что-то новое.

– Я два раза звонила с утра. Оба раза меня перекинуло на автоответчик. Я отправила сообщение, и – ничего.

Энди убрал наушники и бензопилу на верстак с инструментами. Посмотрел на часы, стянул перчатки и прислонился к стене напротив.

– Ну, наверное, она бесится. И, мне кажется, отплачивает тебе твоей же монетой.

Он намекал на то, что Нина за последнюю неделю позвонила мне три раза, а я так злилась на нее, что ни разу не ответила и не набрала ее в ответ.

– Серьезно?

Он покачал головой.

– Да ладно, Энди, она перешла черту!

– Я и не говорю, что это не так.

– А, по-моему, именно это ты и говоришь.

Он улыбнулся. Одной из тех улыбок, от которых у меня ныло сердце. Он наклонился ко мне, взял за руку и потянул, чтобы я поднялась.

– Она должна была вернуться вчера. Говорила, что будет дома самое позднее к девяти утра.

– Учеба начинается только в четверг. Я думаю, она приедет завтра.

У Энди акцент сильнее, чем у меня. Он все еще приглушал некоторые гласные и проглатывал «т» на вермонтский манер. «Завтра» у него во рту превращалось в «зав-ра». Раньше у меня был такой же акцент, но года с небольшим в бостонском колледже хватило, чтобы избавиться от этого наследства, как от дурного запаха. Мне так и не удалось вернуть его. Мне нравился выговор Энди. Так проявлялся его характер и нежелание меняться ради кого-то.

– Хочешь, я заберу Грейс? – спросил он.

Я совсем забыла, что нужно забрать Грейс. Нашу младшую дочь. Ей пятнадцать, и она помешана на лошадях. После восьми лет нескончаемых причитаний и уговоров мы все-таки сдались и купили ей семилетнего скакуна по имени Чарли. По плану мы должны были организовать для него стойло в дальнем конце сарая и срубить несколько деревьев под выгул. А пока Чарли жил у подруги Грейс Молли, а это значило, что все свободное время дочка проводила именно там, и мы видели ее, только когда отвозили или забирали.

– Я забыла… – сказала я.

Энди взял меня за заднюю сторону шеи. Это было теплое, ласковое прикосновение. Он погладил мне затылок большим пальцем.

– Не переживай. И вообще, хватит переживать! С Ниной все в порядке. Саймон бы позвонил в случае чего.

Он снял куртку с крючка на стене. Мы вместе вышли из сарая, пересекли двор и отправились на кухню. Наш пес Руфус подремывал на своей лежанке рядом с духовкой. Он с надеждой взглянул на нас, когда мы вошли. Руфусу почти десять лет, и он стал медлительным, но все равно любил гулять.

– Энди?

– М?

– Думаешь, я к ней чересчур строга? Я имею в виду, вообще? Считаешь, я слишком много от нее требую?

Энди задумался.

– Может, чуть-чуть. Она хорошая девочка. И заслужила немного повеселиться.

– Понятно, но она просто бросила меня на произвол судьбы. Не то чтобы я могла просто кому-нибудь позвонить в последнюю минуту и попросить помочь. Это так не работает, и Нина это знает. Так что мне пришлось выполнять и свою, и ее работу, пока она развлекалась со своим парнем.

– Это все правда.

– Энди? – Он повернулся ко мне. – Что именно правда?

– Все. Нина перешла черту, когда забила на работу, но

и ты иногда, как мне кажется, чересчур строга к ней. – Он быстро чмокнул меня в губы, взял ключи и ушел.

Я сделала себе кофе и пошла с кружкой в гостиную. Огонь уже начал угасать, так что я подкинула еще дров и села на диване, а Руфус свернулся у моих ног. Я зашла в «Инстаграм»[1] и открыла аккаунт Нины. Она не выкладывала ничего нового с четверга. В последнем посте был снятый крупным планом красногрудый дятел, сидящий на ветке и развернувшийся к камере. А до этого – фотография Нины и Саймона, стоящих вместе в альпинистском снаряжении, на вершине скалы, с густым зеленым лесом на фоне. Они обнимали друг другу за талию и широко улыбались.

Я отложила телефон, взяла пульт от телевизора и нашла сезон «Любовь слепа», который еще не смотрела. Включила эпизод, но во время заставки мои мысли сразу куда-то унеслись. Я снова взяла телефон, открыла страничку Нины и поставила лайки на двух ее последних постах. Вот. Она их увидит, поймет, что я снова хочу дружить, и перезвонит. Нина такой человек, что не может долго обижаться. А еще она очень трудолюбивая. Было совсем не в ее характере сбегать с работы.

Эта-то мысль меня и тревожила. Нине исполнилось два года, когда я купила гостиницу. Единственной причиной, почему я тогда смогла позволить себе это место, была огромная

---

[1] Деятельность Instagram и Facebook на территории Российской Федерации признана экстремистской и запрещена. – *Примеч. ред.*

дыра в крыше и неработающий водопровод. А еще предыдущий владелец оказался жутким скупердяем, и риелтор так намучился с этой гостиницей, что принял первое же, самое невыгодное предложение, которое и оказалось моим. Даже в два года Нина была сильной девочкой. Несколько месяцев упорного труда ушло у меня на то, чтобы привести это место в порядок, отдраить его, покрасить и сделать обитаемым. У меня не было денег на нянь или родственников, которые могли помочь, так что я таскала Нину с собой каждый божий день. Всякий раз я давала ей какое-нибудь небольшое задание, чтобы ее занять, и она подходила к нему предельно серьезно. Она надевала свой маленький комбинезон и косынку и бегала по дому с крошечной метлой или чистила каменные ступени щеткой. Она всегда ужасно гордилась, что помогает мне. Закончив, она всегда выгибала спину и упирала руки в бока, любуясь своей работой, как маленькая взрослая. Она по сей день сохранила такое отношение к делу. Грейс ненавидела работать в гостинице. Она делала все возможное, чтобы увильнуть даже от своих немногочисленных обязанностей. А вот если Нина соглашалась на что-то, то обязательно являлась вовремя и исправно все выполняла.

Энди был прав. Наверное, я слишком на нее давила. Она ведь второкурсница. Может, ей требовалось больше времени на учебу. Может, мы могли что-то поменять. Нанять кого-нибудь, чтобы снять часть нагрузки. Не на полную ставку, но даже несколько часов сыграли бы роль. Надо было обсу-

дить это с Ниной.

После того, как она извинится.

Когда Энди и Грейс вернулись, я уже почти спала. Раньше Грейс сразу бежала ко мне обниматься, если мы расставались хотя бы на время. Но за последние пару лет эта привычка исчезла. Я знала, что выстраивание определенной дистанции – это необходимый элемент взросления, и в основном это уважала, но иногда тебе просто нужны объятия. Я встала с дивана и подошла к ней. Поцеловала в макушку; ее волосы пахли потом и лошадьми.

– Хорошо провела время? – спросила я.

– Лучше всех. – Она высвободилась из моих объятий. – Я так устала, что помереть можно. А еще жутко хочу есть. Что на ужин?

– Остатки. – Она предсказуемо застонала в ответ. В холодильнике была куча еды, но если ей что-нибудь не организовать, то она объестся хлопьями и чипсами. Энди стоял в дверях гостиной. Он вытянул руку, чтобы остановить меня, пока я не вышла.

– Есть минутка?

Его голос прозвучал очень серьезно.

– Конечно. – Я крикнула Грейс: – Только не хлопья, ладно? Там лазанья в холодильнике. Подогрей себе.

Грейс махнула мне через плечо. А потом достала телефон и включила музыку на кухонных колонках. Дуа Липа. Levitating.

Энди вытащил меня в гостиную и тихо прикрыл дверь.

– Что такое? – спросила я.

– Я заехал на заправку залить бак, прежде чем забрать Грейс. И говорил с Патриком.

Патрик работал на заправке и был местным сплетником. Он считал своим долгом по крупицам собирать информацию обо всех, кто живет поблизости – от Уэйтсфилда до Уоррена, – и распространять ее.

– Патрик говорит, что Саймон вернулся из Стоу в пятницу вечером. Он уже два дня как дома. Патрик сказал, что он приехал один.

– Саймон вернулся домой один. И что это значит?

Энди покачал головой.

– И что думаешь? Она что, уехала куда-то еще? С друзьями?

Моя ярость, которая только начала таять, снова разгорелась. На кофейном столике лежал телефон. Энди наклонился, взял его и протянул мне.

– Позвони ей, – сказал он.

– Я уже два раза звонила. И отправляла сообщения.

– Попробуй еще.

Я набрала номер. Меня сразу перекинуло на автоответчик. Я вытянула телефон, чтобы Энди услышал жизнерадостный, беззаботный голос Нины, который просил оставить ей сообщение, а потом снова прижала трубку к уху.

– Нина, перезвони мне, – сказала я резким тоном.

Попыталась придумать, что еще сказать, но в голову приходила только ругань. Энди оперся на стену, сложил руки на груди и с серьезным видом посмотрел на меня. Я завершила звонок.

– Что?

– Мне это не нравится.

– Я и сама не в восторге. Это просто издевательство! Куда еще она поехала? На шопинг в Нью-Йорк? А, нет, наверное, в Париж!

– Лиэнн.

– Что?

– Может, нам стоит туда съездить? К Джорданам? Заскочить и уточнить, все ли с ней в порядке.

Тон его голоса заставил меня остановиться и задуматься. Он держался спокойно, сдержанно и уравновешенно, потому что это был Энди. Но в его поведении появилось и нечто менее типичное – нотка беспокойства.

– А тебе не кажется, что это немного чересчур?

Он пожал плечами.

– Может быть. А может быть, и нет. Тут ехать всего десять минут.

– Я могу просто ей позвонить. Я имею в виду, Джейми.

Делать это мне не хотелось. Джейми Джордан я не нравилась, и, казалось, ей доставляло удовольствие это демонстрировать. Мне было все равно, что обо мне думают. Я не особо общительный человек. У меня свои дом, семья, биз-

нес, и мне больше ничего не надо. Но Джейми до совершенства отточила искусство выбивать людей из колеи, и я не до конца выработала к этому иммунитет. Я набрала ее номер. Меня перекинуло на автоответчик.

– Джейми. Привет. Это… э… Это Лиэнн Фрейзер. Я звоню, потому что мы никак не можем связаться с Ниной. – Я засмеялась, и мне стало противно от того, насколько нервно это прозвучало. И заискивающе. – Я просто подумала, не у вас ли она случайно. Или, может, вам что-то говорил Саймон? Уверена, все нормально, но если бы ты могла перезвонить и ввести меня в курс дела, мне бы полегчало. Спасибо, Джейми. Буду очень обязана! – жизнерадостно закончила я, как будто мы были закадычными приятельницами. Я повесила трубку и посмотрела на Энди.

– Поехали к ним, – сказал он.

Грейс мы оставили дома. Энди сел за руль, и мы особо не разговаривали. Я не волновалась за Нину – в тот момент нет, – но ощущала его напряжение, и меня это беспокоило. Я не переставая ерзала в кресле. Дом Джорданов располагался на Шарпшутер-роуд. Отец Саймона, Рори, владел компанией по производству высокоточных приборов, которая снабжала фармацевтические корпорации и другие хайтек-фирмы. На старте ему помогли. Его отец владел собственным небольшим бизнесом по производству специальных инструментов. Потом Рори отправился в колледж изучать промышленную инженерию и вернулся домой с некоторыми идеями. Потря-

сающими идеями, которые он позже превратил в прибыльное производство. Если верить слухам, его компания стоила пятьдесят или шестьдесят миллионов. За последние годы я много раз встречалась с Рори на разных школьных мероприятиях, но так к нему и не прониклась. Он умен, но холоден. А еще бывал надменен. Дом Джорданов был огромным, раза в четыре больше гостиницы. Он располагался в стороне от дороги, и его защищали забор и кованые ворота, которые едва ли требовались в этой части Вермонта, где большинство жителей до сих пор держали двери незапертыми и не задумываясь оставляли ключи в автомобилях.

Энди нажал кнопку домофона у ворот. Через несколько секунд двери отворились. Мы медленно подъехали к дому. Это была современная постройка, приземистая, но внушительная, с модными бетонными и деревянными элементами, посреди минималистичного ландшафта. Со стороны фасада она походила на крепость. Мощная входная дверь из массива, а узкие окна немного напоминали бойницы в старых замках.

Я бывала в этом доме только однажды, на вечеринке по случаю окончания Саймоном старшей школы, и знала, что внутри ощущение крепости мгновенно исчезает, а приземистый внешний вид обманчив. Зайдя в дверь, ты спускался вглубь дома через серию походящих на террасы пространств. Потолки в главных жилых помещениях были очень высокими, и дом наполняли свет и воздух, а за огромными окнами

от пола до потолка открывался вид на придомовую территорию, а также замечательный обзор на вершины Кэмелс Хамп. Многие состоятельные люди строили себе дома в этой части Вермонта, так что у нас имелась возможность насмотреться на роскошную недвижимость, но дом Джорданов находился на совершенно другом уровне.

Притормозив у здания, мы не увидели припаркованных машин. Однако у Джорданов имелся гараж на шесть мест, так что это мало о чем говорило. Энди немного отстал, когда мы шли к двери, так что на звонок нажала я. Мы услышали шаги и увидели приближающуюся тень по ту сторону стекла. Джейми открыла дверь. Она была босая, одета в синие джинсы и розовую блузку, расстегнутую на груди. На покрытой легким загаром коже блестел круглый медальон на золотой цепочке. Выглядела она, как обычно, отлично. У Джейми было тело, какое женщине за сорок просто не сохранить без фанатичных тренировок и железной дисциплины. Очень стройное и идеально накачанное. Она выглядела так, будто только что вышла со съемочной площадки «Селлинг сансет»[2]. Она взглянула на меня с таким видом, будто видела первый раз в жизни. Внезапно я почувствовала, что мы перегнули палку, явившись сюда.

– Извини за беспокойство, Джейми. Надеюсь, не отвлекаем от ужина?

---

[2] Selling Sunset – американское реалити-шоу о группе агентов по продаже элитной недвижимости. – *Примеч. пер.*

Она приподняла идеально выщипанную бровь, сложила руки на груди и ничего не ответила. Даже по меркам Джейми это было грубо.

– Мы ищем Нину, – сказала я несколько более вызывающе. – Она здесь?

– С чего ей здесь быть?

– Она сказала, что вернется домой с Саймоном в субботу. То есть вчера. И от нее до сих пор никаких вестей. Я звонила, но… – я осеклась. – Слушай, Патрик с заправки сказал, что Саймон уже вернулся из Стоу. Это так? Он дома?

Джейми раздраженно вздохнула.

– Саймон с Ниной расстались. Ее здесь нет.

У меня отвисла челюсть. Я не знала, что сказать.

– Если она не с Саймоном, то где? – спросил Энди.

– Не знаю. Может, с другим своим парнем. А теперь, если вы не против, мы ужинаем. Вынуждена пожелать вам спокойной ночи.

Прежде чем кто-то из нас успел отреагировать, Джейми захлопнула дверь.

Я посмотрела на Энди, чувствуя, как пылают от злости щеки.

– С другим парнем?

Энди покачал головой. Я сделала шаг вперед и снова позвонила. Я жала сильно и долго. Прошла минута, и дверь вновь открылась. На этот раз показался Рори Джордан. Метр восемьдесят. Красивый, несмотря на сломанный нос. Было

непохоже, чтобы он сердился. Скорее, сочувствовал.

– Ребята, – поприветствовал он нас и протянул руку Энди. На пару секунд она повисла в воздухе, пока Энди не пожал ее. – Джейми говорит, вы переживаете из-за дочки?

– Она должна была приехать домой вчера, – сказала я. – Мы звонили, но…

– Мне очень жаль это слышать, – прервал меня Рори, качая головой. – Извините, что мы не можем никак помочь. Но, как уже сказала вам Джейми, дети расстались. К этому все шло, они еще слишком молоды. Но, если честно, Саймон сильно подавлен из-за этого. Не уверен, что это была его инициатива, понимаете? Однако он не говорил с Ниной с пятницы. Они расстались, так что он поехал домой. Хотел бы я еще как-то вам помочь, но это все, что нам известно.

На фоне его спокойствия и уверенности я почувствовала себя глупо. Я была ужасной матерью. Нина с Саймоном расстались, а я даже не знала об этом. Она мне не позвонила. И *она* порвала с *ним*? Но Нина любила его. Постоянно о нем говорила. Всю свою жизнь выстроила вокруг него. Это был какой-то бред.

– Это не в духе Нины – не позвонить матери, – сказал Энди. – Вы уверены, что Саймон не знает, где она?

– Извините, – твердо ответил Рори. А потом замолк в ожидании, когда мы уйдем.

– Спасибо, – на автомате выпалила я. – Мы снова ей позвоним.

– Передайте, что мы желаем ей всего наилучшего, – сказал Рори и закрыл дверь.

Глава вторая. Джейми

В субботу я с Саймоном не виделась, потому что была в Бостоне. Уехала в пятницу и осталась на ночь. Каждые три месяца я встречалась с доктором Джейсоном Марком – подлинным гением иглы. Ботокс и филеры – это дар божий, но только в руках настоящего художника, а я очень внимательно следила за тем, кому именно позволяла прикоснуться к своему лицу. Моему мужу пятьдесят семь. Ему не нужна жена с застывшим инстаграмным[3] лицом и надутыми губами. Ему нужна натуральная красота, а она требует крошечных, осторожных и регулярных вмешательств со стороны правильных людей. С утра в субботу я вколола немного ботокса и совсем капельку филера в губы, прикупила кое-какой одежды и поехала домой. Вернулась поздно.

В воскресенье с утра я проснулась раньше Саймона и Рори. Позанималась йогой, позавтракала, а потом отправилась исследовать свой гардероб. Мне нужно было подобрать наряд для торжественного ужина в Вашингтоне. Мероприятие было посвящено сбору средств для кампании Дэвида Гарви

[3] Деятельность Instagram и Facebook на территории Российской Федерации признана экстремистской и запрещена. – *Примеч. ред.*

– выходца из Вермонта, который баллотировался в Сенат. Наш стол стоил Рори двадцать тысяч долларов. Но он был счастлив заплатить эту сумму. Рори не скупился на политические и благотворительные пожертвования, если они обещали дивиденды, казавшиеся ему стоящими. Политические подпадали под эту категорию, если гарантировали, что он попадет на новый уровень. Благотворительные – если обеспечивали несколько колонок текста в нужной газете. Философия успешного бизнеса Рори заключалась в том, чтобы делать нечто, обладающее реальной ценностью, – то, что нельзя просто скопировать или воспроизвести. Он говорил, что для выживания в мире бизнеса нужно обладать умом, талантом и желанием упорно трудиться. Но для процветания необходимы также статус, репутация и связи. Подобные мероприятия имели для моего мужа большое значение, так что я намеревалась выбрать наряд максимально тщательно. Нужно оправдать его ожидания и все сделать правильно. Не стоило выглядеть слишком сексуально, чтобы не походить на двадцатилетку в поисках богатого мужчины. Однако образ Клэр Андервуд из «Карточного домика» тоже не подошел бы. Робин Райт красивая, но в этом сериале она излучает чистую власть, а это не во вкусе Рори. Ему нравится, когда женщина остается женственной.

Правильный выбор одежды – это сложнее, чем кажется. Я должна выглядеть мило, но не кокетливо. Сексуально, но не вызывающе. Утонченно, но не скучно. А еще мне нельзя ни-

чего надевать дважды, потому что снимки окажутся по меньшей мере в соцсетях, а возможно, и в каких-то онлайн-изданиях. Рори не жаден на деньги, но он *внимателен*, и я беспокоилась о стоимости своих нарядов до того момента, пока не поняла, что одежда и уход – это единственная сфера моих трат, которую Рори не мониторит вообще. Он хотел, чтобы я хорошо выглядела. Ему нравилось, когда мы появлялись на вечеринке или выезжали куда-то на выходные и все женщины вокруг расхваливали мое мини-платье от Валентино или куртку-бомбер от Тома Форда. Так что я перестала волноваться и начала тратить деньги. Много денег.

Чего Рори не знал, так это что я продавала одежду после того, как ее надевала. А еще он не знал, что я заменяла свои самые дорогие сумочки на очень хорошие подделки, которые изготавливал на заказ один мой знакомый парень в Нью-Йорке. Оригиналы тоже шли на продажу. На самом деле у меня очень неплохо это получалось. Я пользовалась двумя разными приложениями, делала красивые фотографии и даже набрала небольшую армию подписчиков. Большинство моих лотов расхватывали за пару дней. Естественно, я сохраняла полную анонимность. Только с утра я приняла предложение в двенадцать тысяч долларов за мой пиджак с блестками от «Селин», а за кожаные ботинки на шнуровке от «Прада» мне дали пять. Я поставила себе цель в тридцать тысяч в месяц, но в основном прибыль получалась больше.

К слову, я продавала свою одежду вовсе не из жадности.

Я делала это, чтобы спасти собственную задницу. Я начала свой маленький проект пять лет назад, когда друг Рори Тони Вебстер обменял свою вторую жену Салли на более свежую модель. В буквальном смысле. До брака с Тони Салли была на обложке «Вог» и даже после рождения детей оставалась стройной и роскошной. Но даже такая никогда не сможет конкурировать с *молодой*. Особенно если твой муж – Тони Вебстер, неуверенная маленькая ходячая зубочистка в виде мужчины, которому нужно окружать себя трофеями, чтобы компенсировать отсутствие индивидуальности. Салли оказалась слишком добра и простосердечна и даже не догадывалась, что происходит. Разумеется, у них был брачный договор, а дети уже выросли, так что после развода она не получила ничего. По последним слухам, она вернулась жить к родителям в Вайоминг.

Среди наших знакомых это был не первый случай развода, но после истории с Салли у меня в голове зазвучал тревожный звоночек. Через полгода после развода Вебстеров Марко Перес обручился с двадцатишестилетней моделью с волосами до попы, которая ловила каждое его слово и предугадывала любое желание (говорили, что она специально прошла шестимесячные курсы массажа, чтобы правильно разминать ему плечи после тенниса). И тут я ощутила сдвиг в наших с Рори отношениях. Впервые в жизни я почувствовала, что он сравнивает меня с чужими женами и подружками и, может быть, не уверен, что его вариант – наиболее выигрышный.

Мне исполнилось двадцать два, когда мы поженились, – то есть не совсем *ребенок*, но особой осознанностью я тогда не отличалась. Рори было тридцать пять, и это стал его первый брак. Ни одни его отношения не длились дольше нескольких месяцев – мне кажется, потому что Рори никогда особенно не интересовали женщины. Его гораздо больше возбуждали механизмы, технологии, идеи и успехи в бизнесе. В вечер нашей встречи я работала за баром, а он отмечал заключение какой-то успешной сделки и, видимо, немного выпил, потому что у него загорелись глаза, когда он увидел меня. Рори сразу позвал меня на свидание. Потом он рассказывал, что почувствовал, будто все мужчины в баре хотят меня, и это в нем явно говорило пиво, ведь все было совсем не так.

Не буду притворяться, будто не знаю, что красива. Я слишком много работала над внешностью, чтобы не быть уверенной, где именно нахожусь на шкале привлекательности – а это чертовски высоко. Но в двадцать два я осветляла волосы и носила майки из секонд-хенда. Я не была красавицей, которую хотели все мужчины. У меня не было денег. Я спала на диване у друзей, потому что рассталась с парнем-музыкантом, который нигде не играл больше одного раза. Моего бывшего арестовали за хранение травы – в основном потому, что он взбесил копа. В качестве залога я внесла за него все деньги, накопленные с чаевых за полгода, а на следующий день он напился и переспал с моей лучшей подругой. Так что в тот вечер, когда я встретила Рори, я была

буквально бездомной, нищей и не то чтобы очень уверенной в себе.

По правде сказать, я его боялась. Он был – и остается – очень привлекательным мужчиной. Когда я с ним познакомилась, он казался пугающе умным, невероятно уверенным и совсем не похожим ни на кого из тех, кого я знала раньше. Помню, я думала, как мне дико повезло, что он вообще посмотрел на меня. А когда поняла, что Рори меня не любит, все зашло уже слишком далеко. Я уже жила в его потрясающей квартире с видом на озеро Шамплейн. Он нарисовал мне картину нашей совместной жизни. Мне никогда не пришлось бы волноваться о деньгах или о том, где жить. Я могла не возвращаться в бар к ужасному управляющему и отвратительным посетителям. Рори обещал присматривать за мной, и я этого хотела. Может, в самом начале я и любила его. Это было так давно, что я уже не могу сказать, что именно чувствовала. Может, я любила его, а может, просто клюнула на все то, что он предлагал. Защищенность и комфорт очень, очень привлекательны, когда у тебя никогда не было ни того ни другого.

В итоге он предложил мне выйти за него, и я сразу поняла, чего он хочет: семью, детей и красивую жену, которая не будет жаловаться из-за того, что он все время на работе. Такую, что будет красиво смотреться рядом с ним и никогда не станет задавать неудобных вопросов. Я решила, что это честная сделка, и когда он отправил меня к юристу, кото-

рый положил передо мной брачный договор, я без колебаний его подписала. Я толком не осознавала, насколько зыбко мое положение, пока друзьям Рори не стукнуло по пятьдесят и они не начали избавляться от своих жен. Только тогда я поняла, что живу взаймы. Я могла в любой момент вернуться с утренней йоги и обнаружить, что мои вещи уже собраны, замки поменяны и меня ожидает судебный пристав.

Бессмысленно было лить слезы по поводу моей ситуации или требовать от Рори заверений и клятв. Это ошибка, которую совершает большинство женщин. Они чувствуют, что теряют своих мужчин, и становятся навязчивыми и неуверенными в себе, а это, конечно, только приближает финал. Я пошла по другому пути. Работала, работала и работала, сделала себя незаменимой. На вечеринках я всегда знала, кто есть кто и какие люди в комнате действительно важны. Я сократила потребление калорий до пятисот в день, следила за балансом микроэлементов, делала мелкие усовершенствования у лучшего косметолога в Бостоне и тренировалась как черт. А еще продавала свою одежду. После пяти лет ведения этого маленького проекта на моем личном офшорном счете накопилось 1,9 миллиона долларов. Недостаточно, чтобы уйти на покой, но хоть что-то. Я не останусь *ни с чем* после развода. Дом мне не достанется, потому что Рори для этого слишком умен, но хоть *что-то*.

Я сделала несколько фотографий абсолютно невероятного мини-платья с тюлем и пайетками от Оскара де ля Ренты,

а потом долго решала, выставить его на продажу или дать второе дыхание на торжественном ужине. Наконец сдалась, упаковала его и убрала, а сама переоделась в спортивный костюм и пошла вниз, в зал. Через полчаса меня там нашел Саймон.

– Привет, милый.

Я бегала на дорожке. Он пришел не тренироваться. Видимо, одетый в джинсы и зеленую кофту с длинным рукавом, он только вышел из душа, потому что у него были уложены волосы: в том самом небрежном стиле, который Саймон так любил. И на который, как я прекрасно знала, он тратил минимум двадцать минут с феном и воском. Он уселся на скамейку для жима лежа и согнул спину, уперев локти в колени.

– Все в порядке?

– Да. Конечно. Просто кое-что случилось, и я решил, что лучше сам расскажу, прежде чем до тебя дойдут слухи.

Я все еще бежала, но его напряженная челюсть подсказала мне, что стоит уделить ему внимание. Я нажала на кнопку, перешла на шаг и стала ждать.

– Мы с Ниной расстались.

– О, Саймон! – Я искренне удивилась.

Саймон был помешан на Нине. Они начали встречаться, когда им стукнуло всего по шестнадцать, и хотя в глубине души я хотела бы, чтобы он выбрал в качестве первой любви кого-нибудь другого вместо дочери Лиэнн Фрейзер, я особо ничего не имела против этих отношений. По крайней мере,

вначале. Мне казалось, что они мило смотрятся вместе. Через год эта иллюзия рассеялась. Саймона столько ждало впереди! Мне казалось нездоровым, что он так фиксируется на одной девушке. К моменту окончания старшей школы я уже молилась, чтобы Саймон бросил ее, но он продолжал говорить о своих отношениях так, будто это навсегда. Более того, ему как будто казалось, что Нина слишком хороша для него и ему повезло быть с ней, и это просто сводило меня с ума. Нужно признать, девчонка она и правда красивая, но в мире полно красавиц! Мне ли этого не знать. Еще Нина была образованной, но мне она всегда казалась пресноватой. Конечно, я была не настолько глупа, чтобы критиковать девушку Саймона. Нет, я надела доброжелательную маску и, скрестив пальцы, ждала, когда все это кончится. Что, очевидно, только что и случилось. Я подавила в себе всплеск радости.

– Уверена, все у вас наладится.

– Не думаю, мам.

– Все пары ссорятся.

– Она изменяла мне, – безэмоционально сказал он. – Спала с другими парнями, когда я был в колледже.

Удивительно, как быстро радость может смениться гневом.

– Ты что, шутишь?

Он криво усмехнулся.

– Если бы… – Он был расстроен. Саймон очень хорошо это скрывал, но я видела усталость в его глазах и тоску в опу-

щенных плечах. – Все в порядке. Правда. Я какое-то время подозревал, но уверял себя, что просто выдумываю. А потом, видимо, она встретила того, кто понравился ей больше. Она бросила меня в пятницу вечером. Я спросил, не встречается ли она с кем-нибудь за моей спиной, и она не стала это отрицать. Я спросил, первый ли он, и она по большому счету призналась, что нет.

– Вот маленькая сучка.

У меня не было сил притворяться. Если бы Нина Фрейзер стояла в тот момент передо мной, я бы дала ей пощечину.

Саймон пожал плечами и поднялся. Снова посмотрел на меня со своей полуулыбкой. Он изо всех сил старался делать вид, что все нормально. Мне стало жаль его, но в то же время его поведение вызывало гордость.

– Такое случается, верно? Ну правда, сколько школьных отношений переживают колледж?

– Очень мало. А те, что переживают, наверное, ничем хорошим не кончаются.

– Точно.

Он собрался уходить.

– Саймон? Я могу приготовить ужин. Что-нибудь особенное для вас с папой.

– За мной вечером заедет Коди.

– Куда-то собираетесь?

– Ага. Ребята считают, что мне нужно утопить свое горе. Мы идем в бар.

По закону Саймону можно было пить только через пару месяцев, но они с друзьями ходили в один бар в городе еще с девятнадцати лет.

– Ты же не станешь перебарщивать?

– Коди считает, что мне нужно как следует набраться. Это необходимая стадия проживания горя. Второй шаг – снять девчонок.

– Саймон!

Он рассмеялся.

– Да я шучу. Выпьем в баре несколько кружек пива, а потом, скорее всего, просто завалимся к Коди и будем играть в танки.

– Когда ты возвращаешься в колледж? – спросила я. – Завтра?

– В среду утром. Занятия начинаются только в четверг. Я уже забронировал билет на самолет.

Он ушел из зала, махнув напоследок рукой, а я продолжила пробежку. Увеличивала угол наклона и скорость, пока не покраснела и не взмокла от пота. Мне требовалось куда-то деть всю свою энергию. Я была реально взбешена.

Мне никогда не нравилась Лиэнн Фрейзер. Она была на несколько лет старше, и я почти ничего о ней не знала, кроме того, что она училась в одном классе со старшей сестрой моей лучшей подруги, которая ее *ненавидела*. Лиэнн училась на хорошие оценки и вела себя так, будто это делало ее какой-то особенной. Лучше остальных. Она поступила в хоро-

ший колледж, и ее мать, которая была еще той сучкой, ходила по городу и хвалилась успехами своей замечательной доченьки. От того стало еще смешнее, когда Лиэнн залетела на втором курсе и бросила учебу. Она выкупила гостиницу и выстроила собственный бизнес, что могло бы вызвать у меня уважение, будь это кто-то другой. Но она такая унылая ханжа!

Взять хотя бы ее одежду. Лиэнн всю жизнь ходит в одном и том же – базовых тоскливых джинсах и поношенных кедах. И флисовой куртке поверх кофты с длинным рукавом. Клянусь, она носила ровно то же самое, когда училась в старшей школе! Она из тех женщин, которые делают вид, что им наплевать на наряды и внешность, потому что они выше этого, но, конечно, все это брехня.

Все люди встают с утра и решают, что именно надеть. Выбираешь ли ты пастельный жакет с джемпером, или ботфорты с черной кожаной курткой, или потрепанные джинсы, которые слишком мешковато смотрятся на твоей заднице, это все равно *выбор*. Ты в любом случае решаешь, какое сообщение хочешь транслировать в этот мир. Лиэнн решила, что являться на благотворительный школьный вечер с кое-как размазанным пятном помады на губах и комками туши на ресницах – это признак достоинства. Она пыталась сохранять этот образ «простой-девчонки-по-соседству» последние тридцать лет. Учитывая то, что ее обрюхатили и она вернулась в Уэйтсфилд, поджав хвост, можно было поду-

мать, что она от этого откажется, но нет. Она все продолжала разыгрывать этот спектакль со скромными улыбочками, косыми взглядами и ужимками в духе «я-сама-невинность». Непонятно, кого она надеялась одурачить, ведь все в городе знали, что она тот еще тертый калач. Своей гостиницей она управляла как командир штрафбата.

Ненавижу подобное двуличие.

И теперь выяснилось, что ее дочь – такая же. Снаружи – фальшивая невинность, а на деле – готова на все, лишь бы получить желаемое. Как же меня это разозлило! Саймон симпатичный, популярный, спортивный. Все его любили. Он стоил десять таких, как она, и меня просто взбесило, что это она бросила его, а не наоборот.

После тренировки я пошла в прачечную искать Риту. Это наша домработница. Она приходила три раза в неделю, убиралась и стирала. Обычно я ее избегала. Рита любила поболтать, и обычно это невообразимо скучная фигня. Какие-нибудь сплетни про звезд, против которых я в принципе ничего не имею, но Рита постоянно отставала от жизни на пару-тройку недель и ждала, что меня поразит какая-нибудь история, которую она прочла в «Фейсбуке»[4] у своей подружки и наверняка ужасно переврала. Так что я пыталась ее избегать, но хорошо платила и вела себя дружелюбно, когда все-таки с ней сталкивалась. Это правильно – сохранять хо-

[4] Деятельность Facebook на территории Российской Федерации признана экстремистской и запрещена. – *Примеч. ред.*

рошие отношения с прислугой. Удивительно, сколько секретов они могут разузнать, просто находясь в доме.

– Привет, Рита! – весело сказала я. Она стояла спиной ко мне и рассматривала какую-то вещь у себя в руках. Она подпрыгнула, услышав меня, развернулась и спрятала что-то похожее на кремовый свитер за спину.

– Ой, привет, – отозвалась она. На ее щеках появился легкий румянец.

– Все хорошо?

– Отлично! – ответила она с чрезмерным энтузиазмом.

Что-то было не так, но если честно, в разгаре какой бы мелкой драмы я ее ни застала, хотелось ли мне знать подробности? Нет. Если она облажалась и испортила какую-то вещь – а у меня были подозрения по поводу кремового свитера, – волновало ли это меня? Нет. Обычно Рита справлялась с работой отлично. Все совершают ошибки, и мне правда легче заплатить за новый свитер, чем выслушивать долгие, изматывающие объяснения, что же пошло не так.

– Я просто зашла сказать, что Саймон возвращается в колледж в среду утром. Если сможешь подготовить и собрать ему одежду к вечеру вторника, будет просто отлично.

– Конечно. Без проблем, – сказала Рита. Но что-то в ее выражении лица заставило меня почувствовать внезапную неловкость.

– Конечно, ему бы надо сделать это самому, – по-дурацки рассмеялась я. – Уверена, он к этому придет.

– Обязательно придет, – подтвердила Рита. Она не улыбнулась, и я сама на себя разозлилась. Я не обязана перед ней оправдываться.

– Ну ладно. Его сумки будут у него в комнате. Ты знаешь, где что лежит. – Я вышла из прачечной и отправилась в душ. Надела джинсы, мягкие, словно легинсы, и белую шелковую рубашку с вырезом. Оставила волосы распущенными и пошла вниз готовить ужин. Тем вечером Рори был в болтливом настроении.

– Сейчас я вижу огромный потенциал, – сказал он, оторвавшись от лосося под соусом с зеленью. – После ковида все внезапно озаботились своими цепочками поставок и захотели иметь поставщиков внутри страны. Мы за последние шесть месяцев получили больше заказов, чем за три года до этого. Мы даже завели лист ожидания.

Он отрезал кусок рыбы и взглянул на меня, ожидая ответ.

– Думаешь о расширении? – спросила я.

– Мы рассматриваем несколько вариантов. Довольно очевидно, что нам есть куда расти. Трудность в том, чтобы определиться с темпами роста. Будем расширяться слишком быстро – залезем в долги или возьмем на себя слишком много обязательств и прогорим. Будем расширяться слишком медленно – упустим возможности и дадим конкурентам шанс занять пустующие ниши.

– Действительно непростое решение.

Я могла делать такие штуки, не задействуя даже полови-

ны мозга. Задавать вопросы, на которые ему очевидно хочется ответить. Бросать короткие одобрительные реплики. Я должна была испытывать благодарность, что это так просто, но на самом деле мне даже обидно, ведь он совсем не замечал, насколько автоматически я отрабатывала программу.

Рори уже открыл рот, чтобы мне ответить, но прежде чем он заговорил, зазвонил домофон. Рори хмуро взглянул на меня, как будто это я его прервала. Я пошла посмотреть на экран и увидела незнакомую машину. Камера сфокусировалась на водителе, и я увидела Лиэнн Фрейзер. Нахмурилась, но нажала на кнопку, открывающую ворота. Звонок прозвучал раньше, чем я успела подойти к двери. Распахнув ее, я обнаружила на пороге Лиэнн и ее мужа. Я не могла вспомнить его имени… Аарон, Эндрю? Как-то так.

Лиэнн сразу выдала пулеметную очередь вопросов про Нину. Я сказала ей, что они с Саймоном расстались. Не стала прямо говорить, что Нина сейчас, скорее всего, дрыхнет в койке у своего очередного парня, хотя соблазн был. Про меня шептались, что я не сдержанна. Кто бы знал…

– Если она не здесь, то где? – спросила Лиэнн с нажимом.

Во мне резко вспыхнуло раздражение от того, что они явились сюда и мешали нам ужинать, как будто мы сделали что-то не то, хотя именно их девчонка разбила сердце нашему мальчику. Я сказала, что ничем не могу помочь, и захлопнула дверь перед их носом.

– Кто это был? – спросил Рори.

Он стоял в кухонных дверях, все еще держа в руке салфетку. Прежде чем я успела ответить, снова раздался звонок в дверь, на этот раз громче и настойчивее.

– Господи, – сказала я.

– Кто это?

– Лиэнн Фрейзер и ее болван муж. Они ищут Нину. Говорят, что она не вернулась домой. Вот это сюрприз. Уж, наверное, ей не хочется выслушивать нотации.

Он непонимающе взглянул на меня.

– Саймон с Ниной расстались. Она изменила ему, а потом бросила. Они расстались в Стоу, и Саймон вернулся домой раньше запланированного. А теперь ее родители пришли искать Нину здесь.

Рори приподнял бровь.

– Давай я схожу, – сказал он и направился к двери.

Я вернулась обратно на кухню. Хорошо, что Саймона нет дома. И ему не надо иметь с ними дело. Через минуту я услышала, как захлопнулась входная дверь, и Рори вернулся на кухню. Он шутливым жестом изобразил, как смахивает пот со лба.

– Уф, – сказал он. – А эти двое немножко на взводе.

Он снова сел и пригласил за стол меня.

– Мне никогда не нравилась Лиэнн Фрейзер. Она лицемерка. И зануда. И считает, что лучше остальных.

Рори рассеянно кивнул, но ничего не ответил. По его взгляду я поняла, что он уже думает о чем-то другом. Он

снова наполнил свой бокал вина и съел кусочек рыбы. Он стремительно терял интерес, но я была не готова менять тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.